

Фу Цзи на цыпочках вышел из Зала Чандин, быстро спрятав за пазуху какой-то сверток.

Скоро придет время Императору просыпаться, поэтому действовать нужно было быстро, бесшумно и не оставляя следов.

Из-за недавнего дождя воздух перед рассветом казался таким влажным, что, казалось, его можно выжать. Фу Цзи, не обращая внимания на то, что ботинки промокают в лужах, ловко обходил дворцовых слуг, уже начавших свой утренний труд.

Он остановился в дальнем уголке Императорского сада, выбрал участок земли посуше и достал припрятанный сверток, а вслед за ним — кресало. В свертке была желтая бумага для сожжения покойникам — вещь, которой в императорском дворце быть не должно ни при каких обстоятельствах.

Раздался сухой щелчок, и вспыхнул крошечный огонек. Фу Цзи бережно прикрыл его ладонями, до смерти боясь, что порыв ветра или капля росы погасят пламя.

Желтая бумага на земле занялась, и в воздухе разлился характерный запах погребального пепла, а к небу потянулись тонкие ниточки белого дыма.

Он пришел сюда, чтобы почтить память старого друга.

Глядя на струящийся дым, Фу Цзи чувствовал щемящую тоску. Никто не знал, доходят ли бумажные деньги до тех, кто в ином мире, но каждый надеялся, что после смерти найдется человек, который будет жечь их для него.

Не ради богатства в загробной жизни, а просто чтобы доказать: о тебе помнят.

За спиной раздалось карканье ворона. Звук был подобен грому среди ясного дня, и маленький евнух вздрогнул, подпрыгнув от испуга.

Крик ворона звучал скорбно — словно проклятие или оплакивание.

Фу Цзи выдохнул с облегчением: хорошо, что это всего лишь птица и его никто не заметил.

Он всегда действовал осторожно, но люди из Управления шестнадцати стражей были еще осторожнее.

В этот миг двое стражников, сжимая рукояти мечей, стояли, прислонившись к дворцовой стене, и холодно смотрели на него. Их мечи были черны, как ночь, а взгляды — остры, как лезвия.

Фу Цзи закопал последнюю горсть земли и, убедившись, что никаких следов кострища не осталось, поспешил обратно.

На башне Цзинъюнь ударили колокола, возвещая время, и он прибавил шаг.

— Господин Фу, где вы пропадали с самого утра? Император, кажется, уже проснулся, лекарство тоже готово — ждут, когда вы вернетесь и подадите его Его Величеству.

Стоило ему переступить порог Зала Чандин, как к нему подбежал младший евнух.

Фу Цзи не стал останавливаться, по пути поправляя одежду и головной убор. Лишь когда все необходимое для утреннего умывания Императора было готово, он вошел в опочивальню Сяо Юя.

Сяо Юй уже проснулся и сидел на кровати, скрестив ноги. Фу Цзи стоял, потупив взор, видя лишь тень, отбрасываемую на шелковые занавеси.

Сяо Юй вложил в конверт письмо, которое все это время держал в руках.

Он перечитывал его весь вчерашний день, почти не смыкал глаз ночью, и теперь, встав, чувствовал тяжесть в голове.

Письмо пришло из поместья Четвертого принца — это была просьба позаботиться о сироте.

Император Цинли был без памяти влюблен в Вань Цзеюй, пренебрегая остальными наложницами, поэтому наследников было мало.

Первый и второй принцы скончались в детстве, а Четвертый принц, хотя и был рожден другой матерью, приходился Сяо Юю братом и был ему ближе всех родных.

Два года назад супруга Четвертого принца скончалась, и он, не выдержав горя, слег с тяжелой болезнью. Теперь из поместья пришло письмо: Четвертый принц был при смерти.

У него остался сын, и, опасаясь, что некому будет позаботиться о мальчике, он написал письмо Сяо Юю, своему брату, умоляя взять ребенка под опеку.

— Вернулся? — спросил Сяо Юй, обращаясь к стоявшему у входа Фу Цзи.

Голос его звучал глухо и мягко, но каждое слово было отчетливым.

Фу Цзи почувствовал, словно его полоснули по спине ножом.

Сюй Дэцай мог обмануть Императора Цинли, но обмануть Сяо Юя было невозможно.

— Да.

— В императорском дворце запрещено совершать частные обряды поминания. В следующий раз, если тебя поймут, я не смогу тебя защитить.

Сяо Юй встал с кровати. Его ночная одежда была черна, как и его глаза.

— Слушаюсь, — голос Фу Цзи дрогнул, и две слезинки невольно покатались по щекам, упав на ковер Зала Чандин.

— Редко кто помнит его так, как ты, — тихо вздохнул Сяо Юй.

Все происходящее сегодня было связано с человеком по имени Лю Ци, одним из немногих, кто заставлял Сяо Юя оглянуться назад.

— Ваше Величество, примите лекарство, — Фу Цзи вытер слезы и, держа фарфоровую чашу, подошел к нему.

Сяо Юй взял чашу, даже не взглянув на него.

С юных лет Сяо Юй был таким: сколько бы людей его ни окружало, он всегда оставался одиноким. Его взгляд всегда был устремлен куда-то вдаль, словно все мирское не имело к нему никакого отношения.

Его кожа была бледнее, чем у других, а из-за недавней перемены погоды он подхватил простуду, отчего стал выглядеть еще бледнее.

Императорские лекари прописали горький отвар, который нужно было принимать дважды в день без перерывов.

Сяо Юй отставил пустую чашу.

Он вспомнил те дни, когда Ци Цзюнь был ранен и лежал на кушетке во дворце Чунхуа, а он сам раз за разом подносил ему лекарство, которое тот упрямо выплевывал.

— Генерал Ци заходил в эти дни? — спросил Сяо Юй.

Он отдавал распоряжение: если Ци Цзюнь придет, сказать ему, что Император простужен и не может принимать гостей, чтобы тот ушел. Но прошло столько времени, а от него не было ни

весточки.

— Докладываю Вашему Величеству, генерал Ци не приходил, — честно ответил Фу Цзи. — Приказать кому-нибудь отправиться в поместье и пригласить Маркиза Чжэньбэй?

— Не нужно. Если он не хочет приходить, не стоит его заставлять, — Сяо Юй моргнул. — В конце концов, учить меня фехтованию — слишком недостойное занятие для самого Маркиза Чжэньбэй.

Фу Цзи в растерянности застыл на месте: он не мог понять, говорит ли Император искренне или с иронией.

— Не стой столбом, мне нужно переодеться, — сказал Сяо Юй.

Фу Цзи снял с вешалки парадное одеяние, помог Сяо Юю облачиться и поправил складки.

— Чем сейчас занят генерал Ци? После всего, что случилось, он, должно быть, стал невероятно популярен в столице? — спросил Сяо Юй, пока Фу Цзи опустился на колени, чтобы поправить подол.

Тон его был легким, и сердце Фу Цзи, до этого сжимавшееся от страха, немного отлегло.

— Да. Маркиз — великий герой, усмиривший Хунну, и заслуженный человек, подавивший дворцовый переворот. В столице о нем говорят только хорошее.

— Должно быть, он слишком занят, демонстрируя свою удаль, раз забыл все, что я ему говорил, — Сяо Юй поправил перед бронзовым зеркалом головной убор, и свисающие жемчужины тихо зазвенели.

— Вовсе нет. Маркиз не из тех, кто кичится своей властью. Перед простым людом он никогда не важничает, — Фу Цзи испугался, что сказал лишнее и навлечет на Ци Цзюня беду.

Подумав, он добавил: — Кстати, я слышал одну забавную историю о Маркизе.

— О?

— На Восточной улице есть процветающая закусочная, Маркиз часто покупает там жареных цыплят. Хозяин захотел немного удачи от Маркиза и попросил его написать вывеску для заведения. Но Маркиз, узнав об этом, велел слугам вежливо отказать. На том бы все и закончилось, но спустя несколько дней ресторан получил табличку с каллиграфией, написанной одним талантливым ученым мужем. Посыльный передал, что это Маркиз заказал для них надпись. Самое интересное, что хозяин уже заказал надпись у того же ученого, и в

итоге не знал, какую из двух вывесок повесить. Так у них в ресторане и появилось две вывески, — Фу Цзи не спеша поведал эту историю.

Сяо Юй, выслушав его, невольно усмехнулся:

— Это потому, что он знает свои пределы. Я видел его почерк — если пустить курицу по рисовой бумаге, результат выйдет не намного хуже.

Фу Цзи, заметив, что настроение Императора улучшилось, окончательно успокоился:

— Ваше Величество правы. Но Маркиз — человек военный, а на свете нет идеальных людей, неудивительно, что каллиграфия — не его конек.

Неизвестно почему, но Фу Цзи показалось, что этот далекий от мирской суеты Император, упоминая Маркиза, словно возвращается к жизни.

Небо за окном посветлело, и Сяо Юй сел в паланкин, направляясь на утренний доклад.

Учитель из Академии Ханьлинь когда-то говорил, что те, у кого некрасивый почерк, глупы.

Но став старше, Сяо Юй понял: единственный, кому можно доверить свое сердце — это человек либо прямой, либо «глупый».

К кому из них относится Ци Цзюнь? — размышлял Сяо Юй.

Первое утверждение точно про него, а насчет второго... порой Сяо Юю действительно казалось, что Ци Цзюнь простоват.

<http://bllate.org/book/21170/2144735>